

Народные суды кочевого населения царистского Туркестана – важное звено в системе местного «туземного» самоуправления (по архивным, правовым и иным материалам)

Советская историография разделяла мнение о том, что царская власть не имела эффективных рычагов влияния на народные суды, отражавшие преимущественно интересы местной аристократии в лице «туземной» администрации. Советский туркестановед Т.С. Саидбаев писал в 1978 г. о том, что после присоединения Средней Азии к России русские власти формально надзирали за деятельностью народных судов, но «фактически действенного контроля со стороны русской администрации за деятельностью судов не существовало и они действовали так, как и до присоединения к России»¹. Несколько иной точки зрения придерживался казахский советский исследователь К.А. Жиренчин, писавший в 1979 г. о том, «суд биев находился в полной зависимости от колониальной администрации и органов «общественного самоуправления» казахов»². (Курс. наш – А.С.) Мы полагаем, что он тоже был прав, так как «полная зависимость» кочевого суда от царизма и пребыванием последнего под его жестким контролем – понятия, на наш взгляд, весьма не тождественные.

Как известно, законом от 2 июня 1898 г. в Туркестане была проведена судебная реформа, суть которой заключалась в распространении на этот регион Судебных уставов 1864 года³. Однако она фак-

---

¹ Т.С. Саидбаев, *Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования*, М. 1978, с. 97.

² К.А. Жиренчин, *Реформы управления 60-х годов XIX века в Казахстане и их политические и правовые последствия*, Алма-Ата 1979, с. 18.

³ См.: Высочайше утвержденные «Временные Правила о применении Судебных Уставов к областям Сыр-дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской,

тически никак не отразилась на союзе «туземной» администрации и народного суда как двух главных звеньев самоуправления коренных народов Средней Азии. Более того, у нас есть все основания полагать, что взаимовыгодное «сотрудничество» волостных и аульных старшин с народными судьями – биями в последующем только укреплялось и совершенствовалось. И для того, чтобы наш вывод не казался голословным, сошлемся на конкретные факты того времени. Младший чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области Бердыбек Сыртыков писал в июне 1907 г. в докладной записке последнему о том, что «народным судом, который всецело в его руках, волостной управитель губит своих противников. Через подставных лиц предъявляет к ним ложные иски, обвиняя в кражах. При разборе дела народные судьи пишут решения по подсказу волостного управителя, приговаривая во всех случаях к тюремному заключению для того, конечно, чтобы эти киргизы не могли баллотироваться на какие-либо должности в волости, чем и объясняется то обстоятельство, что в некоторых волостях волостные управители – или мальчишки или же какие-нибудь идиоты, за которых часто управляют волостями отсидевшие раньше в тюрьмах их близкие родственники»⁴. (Курс. наш – А.С.) Это объяснялось тем, что, согласно статье 64-й «Степного положения» 1891 г.⁵, на должность волостного управителя или аульного старшины мог «быть избран каждый кибитковладелец волости или аульного сообщества, по принадлежности, не подвергавшийся по суду взысканиям, превышающим семидневный арест или денежное взыскание в тридцать рублей, не находящийся под следствием и судом»⁶. Любопытно, что такие же требования этот документ предъявлял в статье 113-й

Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской», 2 июня 1898 года, ПСЗРИ. Собр. 3-е, т. 18, отд. 1. 1898 год, СПб. 1901, № 15493, с. 390.

⁴ Цит. по: *Материалы по истории политического строя Казахстана*, Т. 1. Алма-Ата 1960, с. 412.

⁵ Официально называлось: «Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской». См.: *Свод законов Российской империи*, Т. 2, ч. 1, СПб. 1900, с. 259–270.

⁶ Высочайше утвержденное «Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской», Свод законов Российской империи, Т. 2, ч. 1, СПб. 1900, с. 264.

и к избранию народных судей, однако, если возрастной ценз для волостных и аульных старшин составлял 25 лет, то для судей – биев он был намного выше – 35 лет⁷. Сыртыков отмечал, что «народные судьи и аульные старшины должны быть избираемы аульными сходами, каждый по своему аулу. Аульному обществу больше всех известно, кто у них может занять должность судьи или старшины, и в силу соблюдения своих личных интересов, оно должно избирать на эти должности самых лучших людей. При установлении такого порядка, численность аульного общества не должна быть менее 250 кибитковладельцев и более 500 – так как аульные общества с меньшим числом кибитковладельцев с трудом будут отбывать денежную повинность. Народные судьи и аульные старшины должны быть устранимы аульным сходом с должностей при первом же установлении противозаконного их поступка, для преследования которого законным путем аульный сход должен немедленно представить копию своего приговора уездному начальнику»⁸. Подобного рода документы достигали вершин государственной власти, которая принимала их во внимание. Так, 17 февраля 1910 г. министр внутренних дел и председатель Совета министров П.А. Столыпин обратился к военным губернаторам «степных» областей с циркулярным предписанием, в котором отмечал, что «киргизская волость не только единица административная, но еще в значительной степени – экономическая, в которой сосредоточены все жизненные интересы аульных обществ, входящих в ее состав. Главнейшая основа экономического благосостояния киргиз – земля находится в распоряжении волости; от нее зависит распределение и передел угодий между аулами; от нее зависит разрешение земельных споров между обществами; она разверстывает подати между аулами, она же избирает народных судей. Естественно, что в таких условиях волостной управитель является полным хозяином волости и вершителем судеб населения. Опираясь на волостной съезд выборных, он чрез них проводит в судьи тех лиц, кои угодны ему и его партии; он чрез них же распределяет земли так, как это выгодно ему

⁷ Там же, с. 266.

⁸ Цит. по: *Материалы по истории политического строя Казахстана*, Т. 1, Алма-Ата 1960, с. 413.

или его приверженцам, не щадя даже тех, у кого фактическое пользование (землей – А.С.) уже установилось; при помощи того же съезда он перекладывает значительную часть податного бремени на своих противников. Все эти своекорыстные счета в большинстве случаев осуществляются беспрепятственно, ибо жалобы потерпевших только ухудшают их положение, так как против жалобщиков возбуждаются всевозможные фиктивные и вымышленные дела гражданского и особенно уголовного характера, по которым послушный управителю суд, пополняемый людьми одной партии, присуждает своих противников не только к разорительным в хозяйственном отношении штрафам, но и к тяжким уголовным наказаниям, достигая сразу двух целей – имущественного разорения и партийной безвредности противников. Изложенное само собой подсказывает и тот путь, по которому должна идти реформа общественного управления и суда киргиз. Величайшее зло киргизского быта – партийные раздоры – прекратится само собой, если будут уничтожены средства, его питающие и поддерживающие, и в этом отношении, прежде всего, киргизская волость должна быть единицей чисто административной; все же дела экономического характера должны перейти к аулу; затем должна быть изменена нынешняя система податного обложения и заменена такой, которая, устраняя какое бы то ни было влияние волостного или аульного съезда на обложение населения податями и раскладку их между отдельными плательщиками, с тем вместе отвечала бы, по своим основаниям, интересам населения и государства»⁹. (Курс. наш – А.С.) Безусловно, Столыпин вряд ли исходил в данном случае непосредственно из докладной записки неизвестного ему семиреченского чиновника – казаха. Но материалы состоявшейся (в 1908–1909 гг.) правительственной «ревизии» Туркестанского края он, понятно, не мог не учитывать. А руководитель этой «ревизии» сенатор К.К. Пален в своем «всепоподданнейшем» отчете писал о том, что народные судьи кочевников – бии есть ставленники «джакшиляров» и делают все по их указке. Он писал: «Таким образом, назначение народного суда отправлять правосудие по обычаям выродилось в лицепрятное служение со стороны судей хищническим инстинктам партий-

⁹ Там же, с. 414–415.

ных главарей и угнетение народных масс»¹⁰. (Курс. наш – А.С.) На наш взгляд, в данном случае видный царский бюрократ оценивал ситуацию почти что с марксистских позиций. Во всяком случае, его вывод во многом перекликается с идентичными умозаключениями советских историков по данному поводу¹¹. Но и сам К.К. Пален, и его сотрудники, готовясь к «ревизии», не могли не учитывать мнения известных российских специалистов о смычке волостной и аульной администрации с народными судами в среде кочевников Туркестана. Например, известный российский прокурор и публицист Б.Н. Дельви́г писал о том, что русские власти знают о народных судах кочевников со слов богатых и должностных «киргизов» и потому они не могут действовать в интересах народной справедливости. По его мнению, такие народные суды, находящиеся в руках должностных и богатых «киргизов» подрывают престиж русской власти в глазах простого народа, который считает, что она действует заодно вместе с ними. При этом он откровенно писал, что «если киргизский суд и существует, то лишь потому, что русские власти стакнулись с богатыми киргизами ради выгоды»¹². (Курс. наш – А.С.) Дельви́г считал, что народный суд «облечен государством непомерной властью» и писал о том, что он как прокурор убедился в том, что «никакого уголовного кодекса для народного суда не существует, поэтому народные судьи действуют по произволу – за малое приговаривают к большому и наоборот»¹³. И такие мнения были не редкими в среде российских юристов и публицистов, интересовавшихся проблемами «народного» судопроизводства в «Степи» и Туркестанском крае.

Безусловно, ряд вышеприведенных примеров можно было бы продолжить, но, на наш взгляд, и их достаточно для того, чтобы на этом основании прийти к выводу о том, что народный суд кочевого населения царистского Туркестана являлся важным звеном в систе-

---

¹⁰ Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края, СПб.1910, с. 42.

¹¹ См. напр.: *История Киргизской ССР с древнейших времен до наших дней*. В 5 томах, Т. 2, Фрунзе 1986, с. 101–104.

¹² Б.Н. Дельви́г, *Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края*, «Журнал Министерства юстиции» 1910, № 5, с. 139.

¹³ Там же, с. 131.

ме местного (так называемого, «туземного») самоуправления. Однако степень его зависимости от царской власти в регионе была скорее формальной, нежели значительной и определяющей. В то же время народный суд номадов Туркестана находился в цепких руках традиционной родоплеменной кочевой аристократии в лице избранных (из ее среды или делегированных ею) народом должностных лиц «туземной администрации», располагавших такими мощными рычагами влияния, как: перераспределение земель, угодий, пастбищ, водопоев и т.п. Это подтверждает превалирование экономической парадигмы над всеми остальными. Сами народные судьи могли быть избраны только при поддержке тех или иных партий «туземной» элиты, в связи с чем, находясь на своих должностях, они должны были «отрабатывать» вложенные в их выборы материальные и «моральные» средства. Простой народ очень хорошо понимал значение «смычки» волостной и аульной администрации с народными судами биев, направленной против его коренных интересов. Малоизвестно, но факт, что во время восстания 1916 г. в царистском Туркестане «киргизы, а равно и иные этносы перебили немало своих собственных «сородичей» из числа лиц «туземной администрации» и продажных судей – биев и казиев»¹⁴. Поэтому вряд ли правомерно утверждать, что оно было только антирусским или националистическим. Мы считаем, что восстание 1916 г. было антицаристским и антивластным, и это уже фактически неоспоримо.

Streszczenie

W artykule rozważane są status i rola „lokalnej” władzy sądowej w powszechnym systemie lokalnych samorządnych wspólnot koczowniczej populacji przedrewolucyjnej Azji Centralnej.

Słowa kluczowe: sąd, władza, samorządność, koczownicy, Azja Centralna

---

¹⁴ П.П. Литвинов, *Органы Департамента полиции МВД в системе «военно-административного» управления Русским Туркестаном (по архивным, правовым и иным источникам)*, Елец, изд. ЕГУ, 2007, с. 406.

Summary

The article considers the status and the role of “native” judicial power in the system of common local self-government bodies among the nomadic population in the pre-revolutionary Central Asia.

Key words: court, power, self-government, nomads, Central Asia